Глава 544: Дао отсечения эмоций

Мэн Хао сохранял спокойствие. У него не было времени на то, чтобы что-то сделать с эффектами Колеса Времени, поэтому он просто позволил флагу о трёх хвостах подавить его, а потом развернулся и поднял руку. На кончике его пальца вспыхнул ярко-красный огонёк, быстро переросший в красную тотемную татуировку. Это был кровавый клон клана Цзи — одна из граней его тотема воды. После обретения просветления кровавый тотем не исчез. Вместо этого Мэн Хао просто полностью подавил его в собственном теле.

На этом этапе схватки он без колебаний освободил кровавого клона. Ярко-красный луч вылетел из его пальца, превратившись на лету в кровавого клона клана Цзи. В момент его появления в небо ударил столб алого света. Клон покосился на Мэн Хао, словно раздумывал, не напасть ли на него, на что Мэн Хао лишь холодно ухмыльнулся.

От этого звука тело клона покрылось рябью, словно оно было нестабильным. На самом деле, когда Мэн Хао запечатал клона в собственном теле, он одновременно заклеймил его большим количеством сдерживающих чар. На лице кровавого клона на мгновение отразилась внутренняя борьба, а потом он отвернулся и помчался к патриарху Хуяню. Похоже, он намеревался выместить свой гнев по отношению к Мэн Хао, использовав патриарха Хуяня как куклу для битья.

Появление кровавого клона в очередной раз удивило патриарха Хуяня. Про себя он начал гадать, откуда у Мэн Хао столько совершенно невероятных техник и сокровищ. Сперва он продемонстрировал технику Семи Жизней Трансформация Души, следом была Формация Мечей Времени и флаг о трёх хвостах и, наконец, кровавый клон. Всё это не могло не поразить патриарха.

Кровавый клон приближался. Вместе с мастифом они начали заходить на патриарха Хуяня с двух сторон. Патриарх скривился и указал на клона рукой. Того мгновенно разорвало на куски, но потом фрагменты клона вновь соединились в единое целое. "Проклятье! У него тоже есть неумирающая воля!" Но тут на патриарха Хуяня со спины набросился кровавый мастиф. Всё произошло настолько быстро, что он просто не успел увернуться. Острые как бритва когти вонзились в него, разорвав плоть, откуда тут же хлынула кровь.

Мэн Хао тоже не терял времени. Приближаясь к противнику, он задействовал божественную способность.

— Без лица, одно лишь слово, пламя войны сомкнулось!

В воздухе материализовалось более шестидесяти гигантских лиц. Они наложились друг на друга, превратившись в божественную способность, за которой стояла сила шестидесяти четырёх зарождённых душ великой завершённости. Сила, способная пошатнуть могущество даже практиков стадии Отсечения Души.

Лица открыли глаза и зашевелили губами. В разуме патриарха Хуяня поднялся нестерпимый гул. От его тела начали подниматься шестьдесят четыре тонких струйки чёрного дыма. Они клубились в воздухе, пока к патриарху приближалась божественная способность Мэн Хао.

Один человек, клон и пёс против практика стадии Отсечения Души!

Гул не прекращался ни на секунду. Аура патриарха Хуяня распростёрлась в стороны и превратилась в огромный вихрь, который обрушился на Мэн Хао, мастифа и клона.

На море внизу шумели волны. Сам воздух, казалось, вот-вот разорвут, словно тонкую ткань. Патриарх Хуянь был вне себя от ярости. Никогда ещё с момента достижения стадии Отсечения Души он не оказывался в настолько плачевном положении. Его область Отсечения Души была расколота, Колесо Времени похищено. И венчало всё это культивация его противника… жалкая великая завершённость стадии Зарождения Души. Даже с такими помощниками, как бессмертный зверь и причудливый кровавый клон, патриарху Хуянь ещё никогда не доводилось участвовать в такой унизительной схватке!

— Моё Дао… — протянул патриарх Хуянь. Он сделал глубокий вдох, позволив исчезнуть всем его эмоциям. На него снизошло спокойствие. — Моё Дао отсечения эмоций… Говоря о человеческих страстях и эмоциях, любовь к семье считается самой сильной. После отсечения семейной любви человек может отсечь Дао всей жизни.

Леденящий, бесчувственный холод неожиданно начал подниматься от патриарха Хуяня. Стылый воздух ощущался так… словно был похоронной песнью семи чувствам и шести страстям.

— Мои родители умерли, когда я был совсем ещё ребёнком, — пробормотал патриарх Хуянь, — поэтому я никак не мог отсечь их. Мои чувства к ним несущественны, поэтому не могут быть использованы при отсечении… Только моя любовь к сыну соотносится с Дао отсечения эмоций… Моё первое отсечение было Дао чувств. Ни для кого не секрет, что у меня всего один сын. Чего другие не знают, так это того, что у меня было девять сыновей. Я собственными руками убил восемь моих отпрысков для создания Дао утраты эмоций! Все мои надежды были возложены на последнего сына Цина. Я сделал для него всё: подарил ему всю возможную отцовскую любовь. Когда бы эта любовь достигла пика, я бы убил его, пронзив своё сердце нестерпимой болью. Только такая боль утраты… позволила бы мне завершить первое отсечение и полностью лишиться эмоций! Убив моего сына, ты разрушил моё Дао! На всём белом свете нет ничего, чтобы могло сравниться с ненавистью, которую я испытываю к тебе! Моё Дао… отсечение эмоций!

Аура патриарха Хуяня неожиданно ярко вспыхнула, как и его Сфера Отсечения Души. Целью его первого отсечения были эмоции! И не просто романтической любви или дружбы, а самого сильного чувства — родственной любви!

До отсечения души патриарх Хуянь был любящим человеком, полным чувств. Но потом… он решил убить собственных сыновей ради Дао. В погоне за могуществом у него из его сыновей остался только Хуянь Цин. Его выбор Дао Отсечения Души чем-то напоминал выбор патриарха Ханьсюэ из клана Леденящего Снега. Вот только тот не стал продолжать отсечение. Патриарх Хуянь, с другой стороны, был твёрд в своих убеждениях. Он осыпал Хуянь Цина отцовской любовью, подобно горному водопаду. Словом, вся его любовь к семье была сконцентрирована на одном человеке — Хуянь Цине.

Хуянь Цину казалось, что его отец потакал каждому ему капризу и прощал абсолютно всё. Такова была глубина отцовской любви. Только после отсечения сердца он мог полностью завершить первое отсечение. Убив в себе любовь к семье, он мог создать… своё Дао утраты эмоций!

Но Хуянь Цин погиб от руки другого. Поскольку его убил не патриарх Хуянь, это означало, что его первое отсечение будет завершено не полностью. Если, конечно, он всё не исправит. Самым простым способом было отомстить за убийство Хуянь Цин, покончив с его убийцей. Но этого было недостаточно. Ему был необходим… кровавый дождь, сотворённый из его врага, который бы позволил ему выразить всю свою отцовскую любовь… освободив себя от мирских

забот.

— Отсечение эмоций, — приглушённо сказал он.

В мгновение ока округу затопил леденящий холод. Тело патриарха начало проецировать безэмоциональную Сферу. Такова была божественная способность стадии Отсечения Души — Сфера!

В Сфере патриарха Хуяня можно было существовать, только полностью избавившись от эмоций. Даже крохотная частица эмоций или страстей внутри Сферы будет уничтожена. Когда Сфера начала расширяться, кровавый клон вздрогнул. На него это не особо повлияло, всё-таки он изначально был существом без эмоций. Что до мастифа, его начало сильно трясти. Окружающее его алое сияние замерцало. Неумирающая воля отчаянно сражалась, но её явно было недостаточно, чтобы победить. Дрожащий пёс начал подвывать.

Больше всего происходящее затронуло Мэн Хао. У него зазвенело в голове. Из ушей, глаз, носа и рта потекла кровь. В его глазах застыла растерянность. Как вдруг в его разуме начали вспыхивать образы: детства и родителей, дружбы с Толстяком и остальными, в размытой вспышке промелькнули Чу Юйянь и Сюй Цин, а также тёплые чувства к своему наставнику Духу Пилюли.

Всё это заполнило его голову, а потом превратилось в клинок, зависший в его разуме. В голове Мэн Хао неожиданно раздался древний голос:

"Отсеки все эмоции, и сможешь продолжить существовать... Эмоции только мешают, они сжигают пламя твоей жизни... Отсеки их... Отсеки их!"

Голос нёс с собой какую-то странную завораживающую силу. Под его влиянием всего Мэн Хао затрясло. Он чувствовал себя так, словно его душу в любую секунду могут разорвать на мелкие кусочки и развеять по ветру. Из его горла вырвался полный агонии крик. В этот момент все образы в его разуме, все люди, которых он знал, начали искажаться. Они стали чёрным пламенем, окутавшим разум Мэн Хао. Его пронзила боль... такую чувствует человек, когда на его глазах умирают родители, но он не в силах их спасти! Боль, которую испытывает человек, глядя, как возлюбленная холодно отворачивается от него и оказывается в объятиях другого! Боль, пронзающая сердце, когда лучший друг с улыбкой вонзает кинжал в спину!

Именно такая боль объединила в себе все эти чувства и возвела их в абсолют! Эта боль превратилась в всепоглощающее чёрное пламя, сжигающее саму душу Мэн Хао.

"Отсеки их... Отсеки все эмоции, и сможешь продолжить существование. Откажешься... и твоя душа будет уничтожена", — шёпот голоса эхом отдавался в голове дрожащего Мэн Хао.

Словно он угодил в кошмар, но никак не мог отличить реальность от иллюзии. В его глазах по-прежнему стояло замешательство. Из уголков губ капала кровь. Потеряв контроль над собственным телом, он рухнул в Пурпурное море.

Так действовала безэмоциональная Сфера патриарха Хуяня — отсекала все эмоции и боль. Она отсекала эмоции врага, расщепляла душу и, словно жернова, перемалывала физическое тело. Сражение с патриархом Хуянем, пока в твоём сердце есть эмоции, было равносильно смерти. Если человек поддавался уговорам голосов, он становился безвольной куклой. Отказ означал смерть тела и души.

Мэн Хао погружался на дно Пурпурного моря. В его голове мелькали воспоминания из его

жизни. Радости, печали, расставания и воссоединения, боль, предательство. Все они превратились в бесконечный цикл боли и страданий. Коснувшись морского дна, Мэн Хао неожиданно открыл глаза. В них не осталось ни капли замешательства и растерянности. Но в его ясных глазах также виднелась и вселенская усталость.

— Эмоции… не помеха, — прошептал он, — эмоции… то, что придает жизни смысл.

Он закрыл глаза. В этот момент Пурпурное море зашумело, а на его поверхности начали зарождаться гигантские волны. Мастиф в небе по-прежнему дрожал. Действие Сферы никак не повлияло на кровавого клона, но стоило ему приблизиться к патриарху Хуяню, как его глаза подёрнула пелена замешательства.

Патриарх Хуянь парил в воздухе, пока его Сфера расширялась во все стороны. Но тут его внимание привлёк шум Пурпурного моря. Нахмурив брови, он наблюдал, как воды Пурпурного моря начали собираться в одной точке. Из морской пучины сначала показалась голова, следом тело и две ноги. В мгновение ока невероятных размеров гигант, состоящий из морской воды, поднялся из пучины Пурпурного моря.

Гигант выглядел точь-в-точь как Мэн Хао. Закрытые глаза исполина резко распахнулись и засияли ярким светом. Гигант поднял сжатую руку в кулак и ударил патриарха Хуяня. Над морем прогремел оглушительный взрыв. Патриарх Хуянь скривился и резко рванул назад. Ему удалось увернуться от кулака, но его Сфера попала под удар и раскололась.

— Бесчувственный? Как ты превратился в нечто бесчувственное… Нет! Это не ты! Это Пурпурное море! Т-т-т-ы-ы… и вправду соединился с Пурпурным морем. Как… как…

Патриарх Хуянь не мог поверить своим глазам. Только бесчувственные существа могли существовать в его Сфере. Этот морской гигант был как раз тем существом, не имеющим эмоций. Всё-таки Пурпурное море было по сути своей смертью. А в воплощении самой смерти погибает не только тело, но и эмоции.

http://tl.rulate.ru/book/96711/153660